ДВ46
К63

ХАНОВЦЫ
дальнего востока

КОМАНДИРЫ КОЛХОЗНЫХ ПОЛЕЙ

ДВГНБ

ДАЛЬГИЗ — 1936

ЭР02801

ДВГНБ
1498675

ЭР02801

2Б462.6

Стахановцы Дальнего Востока

К-63

Л. Решетов
П. Житников
В. Овчинников
П. Жулич

ДВГНБ
ДВ государственная научная библиотека

КОМАНДИРЫ КОЛХОЗНЫХ ПОЛЕЙ

149875
Хабаровская Краевая БИБЛИОТЕКА

Хабаровск ★ 1936
Дальневосточное
Краевое Государственное Издательство

ЭР02801

ДВГНБ

ЭР02801

Л. Решетов

ХОЗЯИН

Марк Горовенко идет по широкой улице Голенок — высокий, сильный, черноусый. Из-под лохматой ушанки выбилась прядь волос, черных, как смоль, как в песне у Степана Разина — любимого героя Марка.

Он идет мимо изб, история которых ему известна так же хорошо, как старому пчеловоду известна история каждого улья на пасеке. Вот в этом доме, обитом, словно броней, блестящим цинком, жил кулак-стодесятинник Гагальчий. Теперь в нем живет председатель колхоза, двадцатипятитысячник, бывший партизан Савелий Яцко. В доме напротив, ворота которого накрыты резной брамой, жил другой Гагальчий — родич первого и тоже кулак. Теперь здесь колхозные детские ясли. В Голенках жило несколько Гагальчих, и все они были «знатными людьми» в волости, владея

ЭР02801

почти половиной пахотной земли села. Рассказывают, что описание их хозяйств вошло в капитальный труд «Старожилы-стодесятинники», выпущенный министерством земледелия в качестве родовой книги дальневосточного кулачества.

Марк Горовенко держит путь на заимку, где помещается его ферма. Вот уже меж крайних изб на околице села мелькнули белые строения свиноводческой фермы, резко выделяющиеся среди изумрудно-зеленых полей.

Горовенко убыстряет шаг. Но в эту минуту из крайней хаты выбегает молодая женщина и бежит за ним по дороге.

— Дядько Горовенко, — говорит она, догнав его, — як ты годуешь своих чушек, що их ни яка чума не бере? Мои, проклятущи, дохнут, як скаженны.

Марк глядит на женщину, хитро прищурившись.

— Слово знаю.

— От вредный!

— Як годую? А як ты своего хлопце годуешь — о це ж и я так...

— Дядько Горовенко, я ж не для балачки пытаю.

— Заходь на ферму — побачишь на факте.

— Це дило, колы забежать?

ЭР02801

— Когда хочешь, там моя постоянная резиденция.

— Хозяин идет! — радостно восклицает Володя Славинский, когда Марк открывает калитку. Володя — воспитанник Горовенко, бывший беспризорник, теперь член колхоза имени Тельмана и самый молодой свинопас на ферме.

Марк улыбается. Хозяин!? По-иному произносится в наши дни это слово. Оно словно обновилось, потеряв старый свой смысл и приобретя новый. Теперь оно стоит в ряду таких понятий, как колхоз, бригадир, зажиточная жизнь. Раньше оно было связано крепкими корнями с иными словами, такими, как батрак, нищета.

Марку рано пришлось узнать все «прелести» жизни у хозяина.

Девяти лет Марк пошел в работники к кулаку Лытарю, пахал у него, боронил. Потом у кулака Нестеренко работал. Потом общественный скот пас.

Только перед самой революцией удалось сколотить свое собственное хозяйство.

Но, оставаясь единоличником, трудно было бедняку из нужды выбраться. В 1929 году организовалась лжеартель — «кулхоз», как ее

ЭР02801

звали в селе. Объединились в этом «кулхозе» кулаки Гагальчие, Шевченко, Примаки — хозяева, которые имели по сто — стопятьдесят десятин земли и табуны коней.

Для маскировки они кое-кого и из бедняков включили. Звали и братьев Горовенко Марка и Павла, только те не пошли. Вечерами, после работы, Марк обходил избы друзей-приятелей и записывал в другую артель — в настоящий бедняцко-середняцкий колхоз «Роза Люксембург».

В этом колхозе, начавшем свою жизнь в 1930 году, Марк Горовенко был спервоначала конюхом, потом — в полевой бригаде, весной — сеяльщиком, осенью — на жатке.

В скором времени «кулхоз» разогнали, группу кулаков выгнали, а хозяйства объединились в одно. Каким-то чудом уцелел в колхозе Ващенко — бывший волостной старшина. В правлении колхоза сидели тогда «сердобольные» люди, они причислили Ващенко не к кулакам, а к «сельской интеллигенции».

Ващенко проявлял подозрительную активность.

— Давайте, — предлагал он, — я свиную ферму на себя возьму, — попытаем животноводство поставить.

С год похозяйствовал Ващенко, развалил ферму, заморил поголовье. Как-то, напившись

ЭР02801

пьяным, он погрузил на подводу несколько тщедушных, хилых и больных поросят и поехал по селу.

— Дивуйтесь, граждане! — орал он испитым хриплым голосом. — О це колхоз разрешает животноводческу промблему!

Как раз в это время председательство принял в колхозе Савелий Яцко. Ознакомившись с фермой, он послал нарочного за Марком Горовенко.

— Неужто пойдешь на СТФ? — спрашивали у Горовенко. — Ой, гляди, Марк, не сносить тебе головы. Человек старшиной был, не тебе чета, и то не справился.

— Не справился ли? — хитро подмигивал Марк.

Протрезвев, Ващенко стал юлить и ссылаться на отсутствие кормов. Когда Горовенко пришел на ферму, он обнаружил амбар, полный бобовых жмыхов. Ващенко арестовали.

Марк Горовенко стал хозяином на ферме. Незавидное наследство оставил ему бывший волостной старшина!

В темном, низком земляном свинарнике без пола и потолка было грязно и сыро; едкий запах бил в нос. Было здесь тридцать заморенных поросят, семь маток и один-единственный хряк — беспородный, отощавший, запущенный.

ЭР02801

Долго ходил Марк по свинарнику, и сердце щемило при виде запустения, которое обнаруживалось в каждом углу. Потом он заглянул в книги. За 1932 год числился приплод в девяносто пять поросят, из которых выжили тридцать...

— Ну, Марк, — сказал сам себе Горовенко, покусывая черный ус, — впрягайся и тащи.

Он начал строить новый свинарник, сам достал леса и к зиме построил на сорок голов, рубленый, с полами и окнами, с отдельной кухней. Выкопал колодец. До этого воду носили из грязной речушки.

Из года в год росла и крепла ферма. И вот теперь — любо посмотреть. Просторный свинарник на двести голов. Чисто, светло, сухо. Полы деревянные, крашеные, масляной краской выкрашены проходы. Вентиляция — четыре вытяжных трубы. Четыре печки поддерживают нормальную температуру. На столбике — градусник. Есть даже канализация, примитивная, правда, но вполне обеспечивающая сток нечистот. В каждом станке — корыто, да не простое, а на осях, чтобы легче вымыть; в грязном корыте кормить воспрещено.

Завел Марк Горовенко чистопородных хряков и маток белой английской породы. В 1935

ЭР02801

году произвел свой собственный приферменный посев: посеял семь с половиной гектар овса, три гектара сои, два гектара тыквы и гектар клевера.

Подобрал постоянную свиноводческую бригаду. Когда Марк включил в бригаду пятидесятилетнего Прохора Губерненко и пятидесятидвухлетнюю Анну Ивасенко, в правлении посмеялись:

— Ты что же, всех стариков к себе на ферму соберешь?

— Я с этими стариками горы сворочу, — уверенно отвечал Марк.

И он не ошибся, старики «не подкачали», как потом часто говорил Марк. Анна Ивасенко заботливо ухаживает за свиньями, всегда вовремя раздает корма. Дед Губерненко, наблюдая за опоросом, не допустил гибели ни одного поросенка. А бывали такие дни, когда деду Прохору приходилось принимать по восемьдесят поросят!

Горовенко ввел твердый распорядок на ферме. Рабочий день начинается в семь утра. Чистка свинарников. В восемь часов — первая кормежка, в двенадцать — вторая. В пять часов — вторая чистка, в шесть — третья кормежка. Причем все три раза корма разные, — «аппетитней кушают», — замечает Марк.

...Марк проходит по свинарнику. Все в по-

ЭР02801

рядке. Только что позавтракали поросята, и вот они лежат теперь на чистой соломенной подстилке — здоровые, упитанные, резвые.

Каждую матку и каждого хряка Марк знает по кличке. И не только по кличке, а по привычкам, по норову, по производительности. Вот «Хивря» — она отлично «воспитывает» своих поросят. Вот «Лена» — она дает за пятнадцать месяцев три опороса.

Года два назад на агротехническом совещании в районе была жаркая дискуссия: может ли колхозная свинья давать два опороса в год? Нашлись люди, которые горячо доказывали, что это невозможно. На ферме колхоза имени Тельмана все матки дают по два опороса, а отдельные, как «Лена», за год и три месяца — три опороса. И Марк ставит задачей добиться этого ото всех маток.

А вот гордость Марка Горовенко — родильное отделение. Здесь перебывали чуть ли не все животноводы района. Просторное, светлое помещение. Стены чисто выбелены, местами покрашены масляной краской. На окнах — занавески. Последние некоторые считают чудачеством Марка. Но он говорит так:

— Занавесочки придают культурный вид помещению. А в таком помещении и работать надо культурно. Уж сюда свинарь в грязных сапогах не войдет!

ЭР02801

Марк достает учетные книги и погружается в цифры. Его вызывают на краевое совещание ударников животноводства. Надо подготовиться. В крохотный блокнотик он вписывает большими разъезжающимися буквами тезисы выступления.

«1932 год — получен приплод в 92 поросенка.

1933 год — 125, из них пало 5 — матки задавили.

1934 год — 225. Падежа не было.

1935 год — 278.

Доходность фермы: в 1934 году — 3325 рублей, в 1935 году — 35453, не считая того, что 58 голов выделено колхозникам на развод, на общественное питание — 22 головы, другим колхозам — 12 голов.

Трудодень свинаря в 1935 году составляет 19 рублей 35 копеек».

— Дяденька Марк! — кричит, врываясь, Володя Славинский. — Волк! Я нынче всю ночь слышал, как выл серый, — торопливо рассказывает Володя. — Утром пошел поглядеть — нету, а сейчас опять пришел.

Горовенко срывает со стены централку и выбегает на улицу. Действительно, кто-то лазает в кустах за свинарником. Вот мелькнули

ЭР02801

в темноте два зеленых огонька. Марк вскидывает ружье и стреляет. Огоньки гаснут. Он бежит в кусты, а за ним, осторожно ступая, идет Володя. Через минуту они выходят с волчьей тушей. Горовенко угодил зверю в глаз.

Марк возвращается на ферму, зажигает коптилку и дописывает «тезисы». Медленно, каждую букву в отдельности выводит он:

«...Еще скажу: спасибо партии, спасибо дорогому Сталину. Мы сейчас живем хорошо. Всего хватает. Можно спокойно работать и улучшать колхозное хозяйство и умножать колхозное добро. А средство против волков, которые на четырех ногах бегают и которые на двух ногах ходят, мы знаем».

ДВГУБ

ЭР02801

П. Житников

КОМБАЙН СТАХАНОВЦА

На трибуну поднялся оратор. Он был невысок и худощав, на его энергичном широком лице сохранились следы летнего загара.

Оратор не торопясь разложил на столике листки исписанной бумаги, разгладил их и поднял глаза на аудиторию. Глаза у него были спокойные, как и он сам, вдумчивые, глубоко запавшие под густыми, низко опущенными бровями.

Был он не словоохотлив. Говорил тихо и медленно, старательно подбирая каждое слово. Речь его была простая, скупая на краски, но когда он назвал цифру **412,** — сидевший в правом углу комбайнер захлопал в ладоши. Оратор смущенно улыбнулся и покраснел. Аплодировали ему — комбайнеру Ивану Федоровичу Маслаку — за то, что убрал на своем

РГБ

ЭР02801

комбайне в этом году четыреста двенадцать гектар хлеба.

Маслака, как лучшего комбайнера Лохвицкой МТС, послали на краевое совещание стахановцев сельского хозяйства. Выходя на трибуну совещания, он хотел рассказать комбайнерам, трактористам, токарям, какая неудачливая в прошлом была его жизнь, как он мыкался по чужим, богатым людям в батраках и полотерах, терпел и голод, и холод, и как в колхозе нашел свое настоящее место.

Но ничего этого сказать не пришлось. Маслак решил, что важнее будет, если он расскажет, как работал на комбайне и чего добился. Может быть и в его опыте есть что-нибудь такое, что пригодится другим комбайнерам. Когда стихли аплодисменты, Маслак тем же ровным, тихим голосом повел речь о своем комбайне, о полях, на которых работал в этом году.

Его слушали внимательно. Комбайнеры, сидевшие в зале, изредка записывали что-то в свои книжки. То были крупицы опыта комбайнера Маслака.

Прежде всего, он — большой мастер, стахановец комбайновой уборки. Свой комбайн Маслак знает великолепно, хотя и поработал

ЭР02801

на нем всего только одну недолгую осень. К этому мастерству привела его большая, жадная любовь к технике. На машину Маслак смотрит глазами исследователя, пытливого человека: ему обязательно надо узнать, почему силосорезка так быстро и мелко крошит травы, какие невидимые руки схватывают в сноповязалке скошенный золотистый хлеб в пучки, накрепко связывают их шпагатом в снопы, и снопы эти ровными рядами падают на стерню; как устроена молотилка, трактор; где та сила, те механизмы, которые приводят в движение эти тяжелые, грузные машины.

В прошлом году в разгар жнитва оказалось, что сноповязалка не работает. Хлеб перезревал на корню, бригадиры и правленцы нервничали, переругивались и без толку суетились у машины. Машинист найти и исправить дефект не мог. Тут подошел Маслак.

— Что же не жнете?

— Снопы не вяжет, — нехотя ответил машинист.

Маслак подошел к сноповязалке, осмотрел все: раму, режущий аппарат, полотно, вязальный аппарат. «Тоже, мастер!» — подумал машинист, а вслух сказал:

— Ты и не пробуй, ничего у тебя не выйдет.

ЭР02801

— А вдруг выйдет? — обернулся Маслак и хитро улыбнулся.

— Ну, нет! — упрямо твердил машинист.

Маслака это «заело». Сноповязалку он изучил еще раньше и подумал, что найти неисправность в ней все-таки можно. Так и оказалось. Повозившись у машины, новоявленный механик вскоре обнаружил, что сноповязалка была собрана не так, как надо. Маслак тут же исправил ее. Машина пошла, и связанные снопы один за другим начали падать со снопоноса. Машинист только ахнул. А через некоторое время Маслак наладил и другую бездействовавшую сноповязалку.

В том же году, уже глубокой осенью, Маслаку довелось снова показать свое знание техники. В колхозе стояла разбитая, старенькая молотилка «МК-1100». Она хотя и грозно тарахтела, обдавая всех мелкой, легкой как пух, половой, но больше пяти-пятнадцати центнеров в день не намолачивала. Колхозники стояли возле этой «бисовой машины» и охали. Когда же будет при такой производительности обмолочен хлеб? А хлеба было немало. И опять объявился Маслак.

— Дозвольте мне, — говорит он, — помолотить. Пущу эту развалину на полный ход.

Все, конечно, согласились. Вызвали слесаря. Тот приехал, малость починил машину,

ЭР02801

залатал ее, и Маслак взялся за работу. И тут молотилка в руках нового машиниста начала творить такие чудеса, которых никто в колхозе и не ожидал. В первый же день Маслак намолотил сто центнеров. Потом приноровился и стал давать по сто пятьдесят—сто восемьдесят центнеров в день.

Колхозники повеселели, прикинули в уме и решили, что при такой работе молотьбу можно закончить к 7 ноября — 17-й годовщине Октябрьской революции. Маслак не уходил с тока, выжал из старой машины все, что она могла дать. Но 6 ноября утром стало ясно, что молотьбу в срок не кончить.

— Вот что, — обратился Маслак к колхозному комбайнеру. — Комбайн у тебя все равно без дела стоит. Начинай и ты молотить. К празднику кончим.

Тот поморщился, но отказываться было неудобно. Согласился, а комбайн так и не пустил. Уже зашло солнце, а комбайнер все еще возился у своей машины.

— Ну, ты чего? — подошел к нему Маслак.

— Вентилятор не работает, — угрюмо ответил тот.

Здесь состоялось первое знакомство Маслака с этой громадной, сложной машиной. Ему удалось, в конце концов, исправить вентиля-

ЭР02801

тор, и комбайн начал молотьбу. Но когда совсем стемнело, машина снова остановилась. Маслак подошел к комбайну. В темноте он разглядел — цепь Галля была оборвана, в ней торчали вилы, кем-то воткнутые в цепь. Машинист крепко выругался, вернулся к молотилке. Он не спал всю ночь и к утру закончил молотьбу.

Маслаку было обидно за комбайн. Кому досталась эта замечательная необыкновенная машина? Она освобождает десятки рабочих рук, она жнет и сама обмолачивает хлеб, а комбайнер не убрал на ней ни одного гектара.

Но машинист понимал, что дело не в машине, а в человеке, в преданности и любви к технике. И вот Маслак решил стать комбайнером, чтобы вернуть комбайну его заводскую славу, показать, как много может дать колхозу эта машина. В ту зиму Маслака вместе с другими хотели отправить в Союззолото на перевозку грузов. Маслак запротестовал.

— Вы пошлите меня, товарищи, учиться на комбайнера, — упрашивал Маслак, — выучусь — в осень пригожусь колхозу: хлеб уберу.

Правленцы только руками махали.

— Поезжай на перевозки, — говорили ему. — Такая машина нам ни к чему, хлопоты одни.

ЭР02801

Маслак уперся, настоял на своем и уехал на курсы комбайнеров. А вернулся в колхоз, когда пшеница и овес уже были высоки и ветер нес с поля в деревню пряные запахи урожая.

Пришла уборка. Косари уходили на жнитво, увозили жатки и сноповязалки, шли колхозницы с песнями и с серпами. О комбайне никто и не вспоминал.

— Жать все равно не будешь, — говорили Маслаку. — В прошлом году ничего не вышло у Зимы и у тебя тоже ничего не выйдет. Ты хоть и ученый, а машина та же...

Комбайн стоял в поле, заброшенный, забытый. Вокруг него обкашивались массивы, вязались снопы, ставились суслоны. Женщина, скашивавшая серпом четверть гектара, считала свой «инструмент» куда надежнее, чем эту громадную, неподвижную машину. И чем дальше шла уборка, тем больше насмешек и ядовитых словечек произносилось по адресу комбайна.

Маслак понимал, что машина тут не при чем. Прежний комбайнер был беспомощен у комбайна, он не знал его сложного организма. А Маслак верил в комбайн, любил его и знал, что машина пойдет по полям, сожнет, обмолотит!

Но слава комбайна была настолько плохая,

ЭР02801

что Маслаку никто не хотел помочь в его «непутевом» деле. Массивы для уборки комбайном ему не отвели и даже не показали, где надо убирать. А когда Маслак начал было говорить о том, что требуется сушилка для зерна из-под комбайна, председатель колхоза Новиков расхохотался и сказал:

— Ты в кармане все зерно высушишь!

Маслак на эту шутку не обиделся — клин клином вышибают. Вывел комбайн на первый попавшийся участок, вошел в хлеба и пустил машину в ход. И тут все увидели необычайное зрелище: комбайн шел ровно, без остановки, быстро стриг хлеб, оставляя после себя гладкую, чистую стерню. Бункер наполнялся тяжелым, желтым зерном. На мостике стоял Маслак — раскрасневшийся не то от радостного волнения, не то от солнца. Люди сбегались к комбайну, чтобы ближе разглядеть, как идет он по пшеничному густому полю, широко захватывая лентой спелые, тяжелые колосья.

Прошло совсем немного времени, — бункер был уже полон зерном, но в колхозе не подготовили даже тележек для отвозки зерна. Маслак остановил комбайн, расчистил вместе со штурвальным и трактористом ток и высыпал зерно на землю. После этого отправились дальше. В этот день, 6 августа, комбайн убрал семь

ЭР02801

гектар хлеба. На следующий день было убрано уже тринадцать гектар, затем четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать гектар.

Зерна намолочено было так много, что правлению колхоза было уже не до шуток. Председатель колхоза Новиков мобилизовал пятнадцать плотников, и те за два дня построили зерносушилку, а когда хлеба созрели еще больше, — зерно из-под комбайна увозили прямо на элеватор.

Маслак чувствовал себя победителем. Над ним и комбайном больше никто не смеялся, на машину смотрели с уважением и зазывали комбайнера на уборку то одного, то другого участка. На массиве в двадцать гектар копошился со своей сноповязалкой машинист Бурлак. Сноповязалка все время капризничала, часто останавливалась, и Бурлак за четыре дня убрал только девять гектар. А хлеб перезревал и уже начал осыпаться. Вызвали комбайнера Маслака. Комбайн за несколько часов убрал остальные одиннадцать гектар. У Бурлака урожай получился семь центнеров с гектара, а у Маслака — девять центнеров. И тут все увидели еще одно новое преимущество комбайна: на каждом гектаре он сберегает от потерь десять-двенадцать пудов хлеба. Колхозницы, те самые, которые раньше говорили, что обгонят своими серпами комбайн, напе-

ЭР02801

ребой приглашали Маслака пожаловать со своим комбайном на участок их бригады, чтобы «не переводить зря времячко».

Маслак довел выработку до шестнадцати гектар в день. Это уже было больше нормы. Но однажды ему попалась в руки районная газета «Смычка», в которой сообщалось, что один из комбайнеров Кругловской МТС убирает в день по семнадцать гектар. На один гектар больше. Маслак задался целью обогнать этого комбайнера. На другой же день он убрал тоже семнадцать гектар, в следующие дни—двадцать, двадцать три гектара. Массив в пятьдесят три гектара Маслак убрал за два дня и два часа. Впрочем, уборка этого массива имеет свою небольшую историю. В тот день, когда Маслак вошел в этот массив, в поле приехал секретарь райкома партии т. Васильев. Поздоровались, разговорились.

— За сколько дней думаешь выжать массив? — будто невзначай спросил секретарь.

До этого Маслак убирал гектар по шестнадцать в день. Комбайнер на минуту задумался, подсчитал.

— Да дня за четыре выжу...

— Долго! — сказал секретарь. — Долго! Машина может и больше дать. Ты нажми!

Комбайнер, действительно, нажал и начал убирать в день чуть ли не по двадцать пять

ЭР02801

гектар. Такую высокую норму Маслак мог бы закрепить на все время уборки, но разойтись не давали мелкие, разрозненные участки, межи, необкошенные края массивов. Массивы комбайнеру заранее не отводили, и он не знал, на каком участке будет убирать завтра, послезавтра. Время уходило на бесконечные переезды с одного участка на другой, иногда за несколько километров, через пади и рытвины. Однажды комбайн простоял три часа, потому что в тракторе не было горючего, хотя заявку на горючее Маслак дал за три дня до этого. В памятной книжке комбайнера сделаны такие записи:

«Первый массив убрал в 17 гектар.

Отъехал сажен 150 и убрал другой участок в семь гектар.

Дали другой участок за два километра от первого, там убрал 37 гектар.

От этого участка ушел еще за 2 километра и убрал 4,5 гектара.

Убрал 15 гектар в 3,5 километрах от предыдущего. Рядом убрал 9 с половиной гектар».

Маслак подсчитывает, как много времени потерял он на этих путешествиях с одного места на другое. На одну только отцепку да прицепку хедера потрачена уйма часов. И это тем обиднее для комбайнера, что его комбайн работал изумительно четко, не имел ни од-

ЭР02801

ной мелкой аварии и мог безостановочно убирать хлеб. Маслак следил за комбайном, прислушивался к нему, как к своему сердцу. Небольшой подозрительный стук, и Маслак уже доискивается — из какой части машины он идет, что случилось?

Рано утром, еще до зари, бригадники идут со стана в поле ставить снопы в суслоны. В это же время поднимался с топчана и комбайнер Маслак. Он будит своего штурвального Гавриила Дворецкого и тракториста Николая Зиму.

— Подымайся!..

Утренний сон особенно крепок, вставать не хочется, Гавриил поворачивается на другой бок и снова засыпает, но комбайнер настойчиво тормошит его.

— Вставай же, говорю!.. Пора!..

По траве, холодной и мокрой от росы, все трое идут в поле к комбайну. На востоке чуть светлеет слабая утренняя зорька. Крупные звезды мигают на широком небе, и кажется, что еще глубокая ночь. Комбайн стоит в поле, сырой и молчаливый. Сторож ходит подле него, курит, позевывает и, увидев Маслака с товарищами, облегченно вздыхает — вахта окончена. Когда нет сторожа, комбайнер, штурвальный и тракторист ночуют в поле, тут же у комбайна.

ЭР02801

До того, как спадет роса, надо привести и комбайн, и трактор в полную готовность, чтобы днем не тратить время на пустяки. Маслак с товарищами смазывает все части комбайна, пересматривает трактор. Когда рассветает, начинается перетяжка болтов комбайна, проверка мотора, заливка горючего в трактор и комбайн.

Солнце поднимается, большое и красное. Над полями стелется легкий прозрачный туман: роса уходит в небо.

— Пора! — коротко говорит Маслак, и люди становятся по своим местам. Гулко ревет мотор трактора, комбайн трогается с места и, вдавливая стерню широкими колесами, уходит в хлеба.

Работа идет дружно и весело. Дни выдались ясные и солнечные, комбайн работает исправно, и от всего этого у Маслака особенно хорошее настроение.

За штурвального он не беспокоится. Дворецкий зорко, в оба глаза, следит за хедером, глядит вперед, чтобы не наскочить на что-нибудь. Спокоен комбайнер и за тракториста. Николая Зиму. В прошлом году он плохо смотрел за трактором, был не на важном счету, а теперь — великолепный тракторист, лучшего не найти.

Дворецкий имел большой интерес к ком-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГАУ

байну, был способный штурвальный, и Маслак, глядя на него, часто думал:

— Хороший выйдет из него комбайнер. Надо только обучить.

В свободные минуты комбайнер рассказывал штурвальному устройство машины, показывал, где какая часть находится и для чего она. Штурвальный запоминал, учился, а потом уже сам помогал комбайнеру сделать некоторые усовершенствования в комбайне. Так, Маслак вместе с Дворецким установил между главным и вспомогательным битером фартушок, чтобы не так быстро выбрасывало солому, с которой уходило и зерно. Вместе они устроили еще один фартушок за последним ворошителем, и теперь зерно уже не выбивается из комбайна быстро вращающимся ворошителем. Оно ударяется о фартушок, попадает на соломотранспортер, затем на скатную доску и идет на первую очистку. Берегли и зерно, и горючее. За эту уборку комбайнером сэкономлено девятьсот пятьдесят пять килограмм горючего из двух тысяч двухсот пятидесяти пяти килограмм, которые полагались по норме. Трактор вначале давал большой пережог: на гектар уходило по пятнадцать килограмм при норме в десять килограмм. Тогда закрыли все жиклеры, подогнули поплавок карбюратора, и горючего стало расходоваться меньше, а мо-

ЭР02801

тор работал нисколько не хуже. На каждом гектаре тракторист экономил уже два килограмма.

Все дни уборки комбайн ни разу не подвел комбайнеров. Машина шла не останавливаясь, и только короткий перерыв на обед или выгрузка бункера прерывали на несколько минут работу агрегата. Обед вначале в поле не доставляли. Ели сухой хлеб, чеснок, пили молоко, которое брал с собой штурвальный. Как-то подъехал к комбайну секретарь райкома Васильев, расспросил, чем питаются люди, и сказал правленцам, что так дальше нельзя. И вот с тех пор в полдень, когда солнце поднималось высоко над полем, колхозная повариха Татьяна Свистунова возила на подводе специальный обед для комбайнера, его штурвального и тракториста. На обед у них уходило не больше десяти минут, а работа пошла куда веселее. Берегли время, боялись упустить даже минуту, и когда комбайн останавливали для разгрузки от зерна, Маслак и штурвальный использовали этот короткий перерыв для того, чтобы осмотреть все деревянные подшипники комбайна. Спокойнее будет во время работы.

29 августа был скошен последний колхозный хлеб. Скошено четыреста двенадцать гектар! В этот день комбайнер Маслак испыты-

АЕГИС

ЭР02801

вал странное чувство: в нем была и радость и ощущение какой-то пустоты. Так бывает со многими, когда приходится расставаться с машиной, с которой сроднился, полюбил ее, привык к ней так же, как привыкает человек к своему другу. Да, комбайн победил! Сквозь град насмешек и глухую стену недоверия Маслак провел эту машину к славе и всеобщему восхищению изумительной ее работой. И теперь, когда жнитво было закончено и оголели поля, Маслак тосковал по комбайновой уборке. А рядом, в Комиссаровском зерносовхозе, шумела золотистая переспелая пшеница. Громадный массив в семьсот гектар стоял нескошенным: на отделении не могли пустить в ход комбайны.

— Пустите туда, уберу все! — упрашивал Маслак дирекцию МТС.

Это был именно тот массив, о котором мечтал Маслак, кочуя со своим комбайном через пади с участка на участок. На таком массиве можно убирать ежедневно по тридцать гектар. Но Маслака не пустили.

Впрочем, Маслаку обещают дать на будущий год для уборки комбайном большой хороший массив, и он надеется убрать не меньше семисот гектар. На этом массиве он хочет дать тридцать гектар уборки в день. Надо только хорошо подготовить комбайн. Сейчас

ЭР02801

комбайнер озабочен подготовкой себе хорошего штурвального. Дворецкий Гавриил ушел в Красную армию. Нужна замена. И тут назвался брат комбайнера, Иван — талантливый тракторист.

— Бери меня, брат, в штурвальные. Будем работать на пару!

Комбайнер согласился. Он обучит его работе на комбайне. Дома у Маслака имеется целая библиотека: книга о ремонте комбайна, о комбайнах различных марок и их устройстве, о моторах, о технологии металла, книги по математике и т. п.

Он бережет эти книги, хранит их и просматривает временами, потому что они-то и дали ему знания, привели его на комбайн. И теперь комбайнер Маслак не только «ученый», но и зажиточный человек в своем колхозе, знатный стахановец. За уборку в 1935 году он заработал тысячу четыреста пятьдесят рублей деньгами, получил двадцать пять пудов хлеба, а жена его, Анна Алексеевна, имеет четыреста трудодней и получит около двухсот пятидесяти пудов хлеба. В хозяйстве—полный достаток: есть корова, телки, свиньи, птица, свое мясо, молоко, масло, сметана, кладовая завалена снедью.

Глядя на это хозяйство, Маслак вспоминает, как он жил прежде, каким каторжным тру-

ЭР02801

дом добывал кусок хлеба и шел дорогою жизни, не видя просвета. Он искал сытую жизнь и не находил. И вот теперь нашел ее в колхозе. Нашел свое настоящее ремесло, новую профессию, рожденную техникой.

Теперь комбайнер Маслак — известный человек не только в своем колхозе, но и в районе, в крае. Его комбайн — почетная машина.

Весной и перед уборкой на комбайн никто и глядеть не хотел. Плохую славу дал ему старый комбайнер, гнушавшийся техникой. А осенью, когда комбайн прошел по хлебам как победитель, колхозницы говорили Маслаку:

— Ты бы, Иван Федорович, подсолнухи нам убрал комбайном.

Маслак не заставил себя уговаривать. Он вытащил штифты из деек, нашил лопасти тонким сухим лесом, обшил железом направляющий битер приемной камеры, удалил один соломовентилятор и ворошитель и приготовился к уборке. А подсолнухи (их было 24 гектара) стояли высокие, тяжелые, крупные. Но убрать подсолнухи так и не пришлось: не было горючего. Колхозницы подняли крик.

— Ты что же это, — комбайн у нас есть, а мы подсолнух режем руками? Засмеют нас!

Маслак улыбнулся. Наконец-то «признали» комбайн, в который никто не верил. А потом

ЛВГНБ

ЭР02801

нахмурился и быстро зашагал от подсолнухов по дороге. Ему было обидно, что не пришлось убрать и подсолнух комбайном, а ручная уборка его была тяжелая и долгая.

ДВГНБ

ЭР02801

В. Овчинников

1020 СНОПОВ

Из маленькой вросшей в землю избушки торопливо вышла колхозница. Жадно глотая бодрящий утренний воздух, она звонко бросила в распахнувшуюся дверь:

— Слышишь, не забудь выгнать корову в табун! А молоко ребятишкам стоит на столе...

— Ладно, уж знаю, — проворчал сонным голосом муж.

Помахивая белым узелком, в котором был завернут обед (хлеб, огурцы, бутылка молока), колхозница быстро зашагала в поле.

— Ну, опять наша «сноповязалка» размахалась. Ни свет, ни заря в поле бежит, больше всех связать хочет...

— Да, за Маслачкой, пожалуй, никто не угонится:..

Такими разговорами провожали Ольгу Маслак (попросту—Маслачка) неторопливые кол-

ЭР02801

хозницы, позвякивая железными подойниками, полными пахучего парного молока. Иные говорили об Ольге с завистью («Три, да четыре трудодня выгоняет за день»), другие — с неприязнью («Вот из-за таких ударниц нас и стыдят, да норму еще прибавят»). Немногие сочувствовали Ольге и по-товарищески поддерживали ее...

...Три километра дороги остались позади. Ольга встретила тяжелые колосья рослой пшеницы, раскланивающиеся с нею в последний раз. Сегодня они, срезанные колхозными жатками, будут связаны Ольгой в тугие-тугие снопы, составлены в суслоны. А потом начнется молотьба, и золотые зерна полновесной пшеницы доверху заполнят колхозные и государственные амбары, дадут сытную и веселую жизнь колхозникам и всем трудящимся нашей великой родины.

Ольга прошла на сжатую полосу. Грузные кучки срезанной вчера пшеницы были разбросаны по всему полю длинными прерывистыми рядами. Положив узелок с обедом и поправив головной платок, Ольга начала вязать снопы.

Работала она споро и красиво. Можно было только залюбоваться на стройную колхозницу, постоянно находящуюся в движении. В работе у ней выработался определенный ритм и стиль.

ЭР02801

Вот Ольга берет из кучки горсть еще влажной от росы пшеницы. Привычным жестом делит ее пополам. Скручивает солому около колосьев, раскладывает перевясло на стерне. Выравнивает кучку, ударяя гузырем о землю, аккуратно подбирает колоски, ложит на перевясло. Раз — кучка пригнута коленом. Два — перевясло стянуто, закручено, концы его спрятаны в середину. Три — готовый тугой сноп откладывается колосьями в южную сторону. Ольга идет к другой кучке, третьей, четвертой.

Аккуратные, ровные, тугие снопы, похожие друг на друга, как близнецы, длиной лентой тянутся за Ольгой. Много снопов связала Ольга. Потом с соседней полосы подошли другие колхозники и колхозницы. Работа пошла дружнее.

На обед Ольга потратила немного времени: не больше, чем полчаса. И снова из-под умелых ее рук выходят тугие снопы.

Когда солнце было близко к закату, Ольга начала собирать свои снопы и ставить их в суслоны.

— Ну, как Ольга Федотовна, сколько нынче навязала да составила? — спросил ее секретарь райкома партии, вылезая из запыленного автомобиля.

— Как всегда, товарищ Васильев! — улыбаясь ответила Ольга.

ЭР02801

— Тысячу?

— С хвостиком — тысячу и двадцать снопов.

Ни одного лишнего движения. Через каждые полминуты работы готов отличный сноп.

Секретарь одобрительно качнул головой. Еще бы! Вместо трехсот пятидесяти снопов по норме Ольга связала и составила тысячу двадцать, и как ни осматривал секретарь полосу, на ней не было растерянных колосьев.

— Берите пример с Ольги Маслак, — не раз говорил Васильев колхозникам. — Учитесь у нее честному отношению к колхозному труду.

Но не всеми близко к сердцу принимались такие советы. Бригадир Мороз, например, прямо мешал передовой колхознице. Он запретил ей вязать снопы и заставил только носить их. Иногда же он посылал ее вязать снопы за машиной такого «мастера», у которого и кучки неровные, и пшеница вся перепутана, не разберешь, где колос, где корень. Но и здесь Ольга не отступала. Она и здесь выходила победителем. Не даром в ее трудовой книжке красуется запись о том, что за двенадцать дней уборки урожая она заработала сорок пять трудодней. Недаром за нею потянулись и другие передовые колхозницы, учившиеся у Ольги ударной работе...

ДВГНБ

ЭР02801

...Ольга спешила домой. Надо было встретить и подоить корову, дать свежей травы теленку, напоить свиней, поросят, накопать к ужину свежей картошки.

У дома ее встретила шумливая детвора. Четырехлетний сынишка Коля что-то лепетал жалобное, указывая замазанной ручонкой на сестренку Нину. Старшая дочь — восьмилетняя Маруся — спешила доложить матери о том, что она все яйца от кур собрала, и спрашивала, пойдет ли она в эту зиму учиться.

Летом мы встретили Ольгу Федотовну Маслак на краевом совещании стахановцев сельского хозяйства. Здесь она пожаловалась на свое колхозное начальство.

— Не дают еще ходу женщинам в нашем колхозе имени Блюхера, — с горечью заявляла она. — Я же хочу быть не просто отличницей-ударницей сельского хозяйства. Я хочу быть настоящей стахановкой. Но не допускает меня правление до машины, не доверяет. А разве хуже мужчины работала я на машине?..

И Ольга Маслак рассказала, как весною она обогнала всех мужчин, работая на тракторной сеялке. Тогда она успевала и зерно в ящики насыпать, и шестеренку высеивающего аппарата прочищать, и диски у ее сеялки всегда блестели. После сева она сдала сеялку

ЭР02801

на полном ходу, в то время как колхозники все диски от сеялок растеряли...

Рассказала она и о том, что очень ей хочется быть комбайнеркой-стахановкой.

— Заберусь бывало на комбайн к своему родичу Маслаку, тому, что нынче убрал четыреста двенадцать гектар. Смотрю, как ловко орудует он на своей машине, как прекрасно работают у него все части комбайна, как мотовило сгибает высокую пшеницу, а бесконечные ленты транспортеров тянут ее в барабан молотилки, — и мне еще больше хочется стать комбайнеркой, так же управлять прекрасной машиной — комбайном. И я добьюсь этого, я выпрошу у правления путевку на курсы комбайнеров. Моя подруга Таня Свистунова работала в совхозе на комбайне штурвальным, и колхозное правление ее, как женщину, не пустило на машину. Добьюсь, что Таня будет работать на комбайне вместе со мною...

Желание Ольги Федотовны можно от всей души приветствовать. Она, несомненно, выучится работать на комбайне, станет в ряды стахановцев сельского хозяйства. Она сломит сопротивление людей из своего колхоза, не допускающих женщину к сложной машине. Она сумеет доказать им, что теперь не старые времена, что партия Ленина—Сталина ее всемерно поддержит.

ЭР02801

Правленцы из колхоза имени Блюхера Куйбышевского района обязаны помочь Ольге Маслак стать комбайнеркой — капитаном корабля пшеничных полей.

ДВГНБ

ЭР02801

Павел Трофимович Жулич

Тракторный бригадир колхоза им. Яковлева (Тамбовской МТС)

О СВОЕЙ ЖИЗНИ, О СВОЕЙ РАБОТЕ

Жинка моя Дарья прислала письмо. Распечатал, читаю: «Лошадь чесоткой заболела, стог сена обвалился, дома дела идут неважнецки — беда. За ребятишками даже доглядеть некогда». Вот, думаю, напасть. И съездить домой некогда: работа у нас самая горячая была. Мы рубили лес на Ушумуне. А я в бригаде единоличников Козьмо-Демьяновки, что в Тамбовском районе, состоял. Ехал в лес и жалел, что не успел с колхозом дела оформить. Думка такая, чтоб в колхоз вступить, давно не покидала меня.

Дарьины жалобы не были для меня новостью. И тогда, когда я дома был, все дело клеилось не ахти как здорово.

Пишу ответ Дарье, что скоро, мол, вернусь, и наладим мы свое хозяйство по-новому, иной

ЭР02801

заживем жизнью. А какая это будет жизнь — не написал. Решил подробно все ей высказать по приезде.

Возвращаюсь после лесозаготовок домой, гляжу — гости у меня: Шурин Тимофей да тесть. Приехали они из Ташкента.

Сидим, чаек пьем, разговор ведем.

— Вот что, Павло, есть у нас до тебя дело. Послушай и свое слово скажи.

Я заинтересовался. Что это такое они задумали?

— Мы, — продолжает тесть, — и с Дарьей уже советовались. Давай, Павло, вместе работать.

— Правильно, — отвечаю. — Я об этом тоже хотел сказать.

— Вот соединим свое хозяйство, вместе будем пахать, сеять, заживем прилично. Это не то что в колхозе... Лошадь мы по дороге в Благовещенске купили.

Ну, я сразу понял куда тесть гнет. Посмеялся я над ним и от предложения его наотрез отказался.

Не знаю, кто из нас лучше умел агитировать, но результат нашей беседы был такой: собрал все свое хозяйство и поехал на новое житье. В колхоз «Красный орден» и родни тестя да шурина — с собой прихватил. Так зимой 1932 года стал я колхозником.

ЭР02801

Прихожу в правление о работе договариваться. Мне говорят:

— Ты, Жулич, человек настойчивый, мы тебя хорошо знаем, поэтому и поручаем тебе ответственную работу по раскулачиванию.

А кулачья в Козьмо-Демьяновке было полным-полно. И крепкие кулаки были! Один Лаврентий Скорик чего стоил: посева сто десятин, молотилки с приводом, еще кое-какие машины, батраков раньше держал. А мне довелось с ним встретиться с глазу на глаз. Я к нему за молотилкой приехал.

— Ах ты, сукин сын! — налетел на меня Скорик, — на чужое добро рот разинул!

А я смеюсь: «Чужое». Знал, чьими мозолями да потом нажил себе Скорик эту машину. И отвечаю ему спокойно, хотя от обиды горько сделалось:

— Свое забирать приехал. Понятно?

— Свое?

— Да. То, что батраки тебе своими горбами дали.

И больше не сказал ни слова. Забрал машину и уехал.

Очистили деревню от кулачья, взялись и за укрепление колхозного хозяйства. Весна подоспела. Меня в третью бригаду назначили. Доволен я был. Хотел поближе с машинами познакомиться. Страсть уж такая у меня к

ЭР02801

механике. А меня, — бац, — поваром в бригаду вместо того, что был — лентяя и лежебоки. Подосадовал, но поваром стал. Всю посевную кормил бригаду сытно и жирно. Полюбили в бригаде и меня, и мои обеды. Но однажды мне сообщают:

— Для тебя, Павло, новая работа есть: конюшню строить будешь.

Погалдели ребята и бригада, не хотели отпускать, но с решением правления согласиться пришлось. Плотничал я до жнитвы.

В уборочную не переставая лили дожди. Воды на полях — по колено. Убирали хлеб литовками. А в соседней бригаде был один участок сухой. Можно было на нем сноповязалкой убирать. Умел я обращаться с этой машиной и мне ее вручили. Первым во всем колхозе выехал я убирать машиной.

— Не подкачай, Жулич, — говорили мне колхозники, провожая в четвертую бригаду.

А у меня руки от радости дрожат; наконец-то своего дождался. Где уж тут подкачать. До десяти гектар убирал вместо шести, положенных по норме. Подсохли массивы, вышли и другие машины на уборку. Я все время настороже, от сноповязалки ни шагу: ремонтирую, подлаживаю, чтобы не отстать от других. А выберешь пару минут свободного времени — сразу к трактору. То поможешь трактористу

ЭР02801

заводить мотор, то горючим заправишь.

— Гляди, трактористом, чего доброго, станешь, — подшучивали ребята.

— Бросьте там свои шуточки, — заступался за меня тракторист Петр Васильев, с которым я на сноповязалке работал, — из Жулича неплохой бы тракторист вышел: он машину любит, а это самое главное.

И вот совершилось неожиданное для меня событие. Дело было так. Подсменщика, работавшего с Васильевым, призвали в армию, а заменить его некем было. Бригадир Демура на заседании правления колхоза предложил:

— По моим наблюдениям Павел Жулич — толковый парень. Из него тракториста можно сделать, я ручаюсь. Прошу, чтобы правление перебросило его на трактор подсменщиком Васильева. Обучим.

Узнал я про это — страшно стало. Пропал, думаю, Жулич. И бегом к Демуре.

— Курсов ведь не проходил. Как буду работать?

— Обучим, расскажем, — успокаивает Демура, — лишь бы сам охоту имел.

Пахали мы тогда зябь. Сел за руль. Рядом со мной Васильев. Объясняет мне все подробно, каждую мелочь рассказывает. И незаметно я отработал всю смену. Осмотрели машины — все в порядке. Приглянулась мне новая

ЦБНТБ

ЭР02801

работа. А радость какая! Идет огромная машина по полю, идет и человека будто бы понимает, что захотел—все выполнит. Решил, что дело пойдет в гору. Наутро иду к трактору. Завел, прицепил плуг и на загон поехал. Смотрю — невдалеке Иван Педик на моей сноповязалке работает. Поглядел я на трактор. Нет, думаю, моя новая машина ничуть не хуже. А Педик кричит:

— Газуй, Жулич, жми!

И я «жал». Ударно закончили подъем зяби. Тракторы отправили в ремонт. Бригадир сообщил мне, что меня назначают бригадиром по ремонту. Тут я задумался: всего ведь каких-нибудь две недели на тракторе проработал, и — бригадиром.

— Нет, — отвечаю я заведующему мастерской Гринько, — не справлюсь.

Колхоз, однако, держится за меня:

— Жулич вечно скромничает. Умеет он работать и организовать любое дело.

Жарко было на ремонте. Но четыре трактора, порученных мне, отремонтировал на «отлично». И школу, самую настоящую школу, прошел. Все нутро машины изучил. Механик мне помогал. Видел он, что работаю я с большим желанием и имею страсть к машине.

В 1933 году переехал в колхоз имени Яковлева. Дали мне трактор «Интернационал».

ЭР02801

Спарщиком моим был Алеша Кочетов — молодой парнишка. Он от меня — ни на шаг.

— Я, Паша, выучиться хочу. Ты должен помочь мне, — сказал Алеша.

В бригаде знали, что я уже ловко работать научился и дали мне самый старенький изношенный трактор. И ремонтировал его не я, а кто-то другой. Втулки пальцев все время ломались. А в МТС не доверяют этот ремонт делать самим. Ежели втулки сломались, приходится в МТС тащиться. Но я уговорил механиков, взял запасных втулок и заменил их сам, в бригаде. Сработали это дело наславу. Больше менять не приходилось. Стал наш трактор вперед всех выходить. Смену закончим — проверяем машину. Интерес к работе у обоих огромный. Люди удивляются: как это наша старая машина лучше всех работать стала? А чему ж удивляться? Дело не в машине, а в тех, кто на ней работает. И так мы с Алешей пошли вперед. Норму перевыполняем, а горючего сжигаем вместо двадцать двух пятнадцать-шестнадцать килограмм. Пашем и песни поем. Приезжает заведующий участком Гриднев на нашу работу поглядеть. Приезжает и дивится: стоял трактор, а сейчас лучше остальных работает. Отметили нашу работу, премировали за хорошие показатели и любовное отношение к машине.

ЭР02801

В уборочную меня назначили бригадиром, дали в бригаду три «Оливера». Я по-своему хозяйство в бригаде поставил: учетчика завел (а учетчиком Алешу Кочетова поставили), производственные совещания провожу, объясняю каждому, что он должен делать. Бригадирствовал весь тридцать четвертый год, и вышла моя бригада на одно из первых мест. План мы перевыполнили на много.

И самая интересная жизнь моя началась в 1935 году. Этот год стал для меня чем-то особенным. Словно до него я и не существовал на свете, а родился и работать начал только в тридцать пятом году. Так уж обстоятельства сложились. Но обо всех событиях этого года я хотел бы кратко сообщить. Тогда будет понятно каждому, в чем дело.

На бригадирском посту я укрепился прочно. За зиму, во время ремонта, обдумал, как будем работать весной, чтобы того места, которое заняли, никому не уступить. Тут уж все учитывать приходилось, начиная от того, чтобы отстойники не «слезились» и не пропадало зря горючее, и кончая тем, чтобы у трактористов настроение веселее было. С песней да с улыбкой работа спорится куда веселей. План специальный составил, как будем работать. И когда подошла посевная тридцать пятого года, закипела работа в бригаде по-новому, шиб-

ЭР02801

че пришли тракторы, песни веселые пели мои ребята, и пели потому, что право на радостное настроение заработали честной ударной работой.

Имела моя бригада два трактора «Оливер». Трактористов в бригаде четыре: Свиридон Щавель, комсомолец Миша Ткачев, Степан Пономаренко и Григорий Кравченко. Ввел я в бригаде флажковую систему (этому меня политотдел МТС научил). Перевыполнил норму, сэкономил горючее, дал отличное качество — получай красный флажок на трактор и денежную награду. Флажок маленький, а большое дело делал. За него развернулась настоящая борьба. Лестно каждому вести трактор, на котором красный флажок развевается. Издали видно, что на этом тракторе работают ударно. О том, как дрались трактористы за флажок, показывает такой факт: Свиридону Щавелю не везло с его «Оливером». Что-то часто простаивал он. Приходил ко мне Свиридон, просил дать другую машину. Нет, думаю, здесь дело заключается не в машине. Подойти к ней с толком—и в работе она не откажет. Проверил я мотор, указания Свиридону дал, подробно рассказал, что нужно за мотором внимательно ухаживать. Взялся Свиридон за работу очень горячо. Гляжу — его трактор обогнал Пономаренко. И норма выработки кверху под-

ЭР02801

скочила: вместо четырех с половиной гектар Свиридон вырабатывает по семь гектар. Увидели его товарищи, что может дать «негодный» трактор, если за ним ухаживать, и давай Свиридона догонять. И такое тут соревнование пошло, что я и не знал, кому из них флажок вручать, — все работают на совесть.

Алеша Кочетов совсем с ног сбился. На нем лежал учет. Парень — работяга. Не хочет от трактористов отставать. Он уж старался. Только возвратится трактор со смены, а на доске уж висит бумажка и в ней все подробно указано: сколько трактор выработал за смену, сколько израсходовал горючего, сколько сэкономил, сколько заработал тракторист и на каком месте его трактор находится. Такой оперативный учет — важное условие для успешной работы. Он подхлестывает отстающих, подбадривает передовиков. Качество проверяла наша стариковская инспекция. Действовала она хорошо, и работали мы с ней в тесном контакте.

Кончился сев. Собирают всех трактористов на слет в МТС итоги подводить. И моя бригада оказалась самой передовой. Мы дали самый большой процент выполнения всей сезонной работы — сорок девять процентов, тогда как в остальных бригадах он выше двенадцати — двадцати процентов не поднялся. Аплодиру-

ЭР02801

ют нам, поздравляют, конечно. И премируют патефоном, деньгами. А за ударный сев бригаду наградили переходящим красным знаменем. Тут подоспел районный слет ударников посевной, и там меня, как бригадира, тоже премировали добрым отрезом на костюм.

На слетах зарядку получили основательную. Работали хорошо, дал себе слово работать еще лучше. Вернулся в село, в бригаду. Говорю ребятам:

— Ребята, удержим знамя? Отдадим его или нет? Как вы думаете?

— Знамя теперь наше. Никому его не отдадим! — отвечают бригадники.

Подняли пары, зябь и с уборкой отлично справились. Опять слет в МТС собирают. Получаем известие: бригада колхоза «Партизан» выполнила работу раньше.

— Еще бы, — говорят мои трактористы, — у «Партизана» три трактора, да один из них «ЧТЗ», а план двести сорок гектар. Мы своими двумя «Оливерами» двести семьдесят гектар выполнили. И отстали от «Партизана» всего на два дня. Зато в посевную чем рапортовали «партизановцы»?

Так мы и решили, что знамя ему не дадут. Но в конкурсной комиссии, которая вела все дела по конкурсу на лучшего тракториста, решили иначе. Постановили знамя передать

ЭР02801

бригаде Чеснокова. А он уж тут, как тут. Явился в бригаду.

— Отдавайте знамя. Вот бумажка.

Трактористы мои в спор с Чесноковым вступили, а он твердит свое:

— Знамя присудили нам.

Забрал он знамя и уехал. Ребята — ко мне.

— Павел Трофимович, это недоразумение какое-то. Поезжай в МТС, докажи, что неправильное постановление вынесли.

А меня и уговаривать не надо. Сам об этом все время думал. Поехал в МТС. В рабочкоме надо мной подсмеиваются.

— Не удержал знамени, Жулич.

— Это как еще сказать.—И давай им доказывать, что знамя наше.

Собрались на наш спор агрономы, механики. И все они на моей стороне. Они написали заявление в конкурсную комиссию с требованием пересмотреть свое решение.

И когда открылся слет, все единодушно признали: произошла ошибка, знамя — за бригадой Жулича. И отдали его нам назад, извинившись. Правда, Чесноков не захотел его нам привезти. Мы сами за ним съездили. (Чесноков потом признал, что наша бригада действительно заслужила знамя).

А бригада проделала такую работу. Всего в переводе на мягкую пахоту каждый трактор

ЭР02801

дал девятьсот пятьдесят гектар за сезон. Сэкономил горючего пять тысяч триста девять килограмм. Таких показателей не дал у нас никто. И сколько вот я уже работаю бригадиром, ни разу у меня не было такого случая, чтобы, скажем, подшипники плавились. Каждый тракторист, и я в том числе, выработали по четыреста трудодней. Трудодень наш весит пятнадцать килограмм зерна да по два рубля пятьдесят копеек деньгами. Я заработал за трудодни и за бригадирство тысячу шестьсот девяносто девять рублей.

Живу теперь богато, зажиточно. Одежду всякую себе, жинке да ребятишкам справил. Купил часы, патефон. Думаю велосипед приобрести. Будете в Козьмо-Демьяновке — заезжайте ко мне. Посмотрите, как обставлена моя хата и как одета и живет семья. Ничуть не хуже городских. Культурно и хорошо живем. Никогда и не мечтал о такой жизни.

И уж если я не мечтал стать героем в своем колхозе, то мне никогда в голову не могла притти мысль о том, что обо мне, Павле Жуличе, будет знать весь край, что мою работу отметит наше правительство и партия. Но правительство знает о работе каждого из нас, нас видят и не оставляют без внимания. Я был послан в Хабаровск на краевое совещание стахановцев сельского хозяйства, а из Хаба-

ЭР02801

ровска выехал в составе дальневосточной делегации в столицу нашей родины — Москву.

Честное слово, мне все время казалось, что все происходящее вокруг меня — сон, прекрасный такой сон. Я не верил себе, я не мог поверить в огромное, необъятное счастье, выпавшее на мою долю. Ведь я, простой колхозник, никогда не видевший не то что Москвы, но и Хабаровска, увидел в Москве того, о ком мечтал, кого любит и кем гордится каждый трудящийся всего мира, — товарища **Сталина,** слышал его слова. Я не мог оторвать от него глаз. Я хотел запомнить каждое его движение, каждую черточку лица. **Сталин!** Каким громом рукоплесканий, какими восторженными взглядами, каким «ура» встречали мы родного вождя. Это, знаете, трудно передать. Это можно только чувствовать. Слов таких не подыщешь, чтобы рассказать об огромной радости, захлестнувшей каждого из нас до краев. Мы увидели руководителей партии и правительства, таких простых и таких великих. Где, когда и при какой власти могло случиться такое, чтобы рядовой человек, тракторист, да еще живущий в далеком крае, мог свободно войти в кремлевские дворцы, заседать вместе с правительством, вместе с вождем всех народов и вместе с ними решать дела государст-

ЦВНБ

ЭР02801

венного значения? Я о такой стране ни в одной книжке не читал.

Мои труды, правда очень скромные труды, оценены правительством. Я награжден орденом «Знак Почета». Что это означает и к чему это меня обязывает? А вот к чему: товарищ Сталин выдвинул перед нами задачу — в ближайшие два-три года дать стране семь-восемь миллиардов пудов хлеба. Для нашего колхоза, взявшего в прошлом году по тринадцать центнеров с гектара, это означает то, что урожайность мы должны увеличить вдвое. Мне, человеку, которому оказана такая высокая честь и такое огромное доверие, больше чем кому-либо придется поработать над решением этой задачи. И уж я вместе с бригадой, вместе с колхозниками буду за этот урожай бороться. Сам я решил основательно подучиться тракторному делу.

В Москве я дал обязательство выработать в тридцать шестом году по тысячи сто гектар на колесный трактор. Будьте уверены, что это обязательство мы выполним.

ЦГАЛИ

ЭР02801

Л. Решетов

ПЕРВЫЙ КОМБАЙНЕР

Несколько раз «чихнув» и выбросив в воздух колечки синеватого дыма, двигатель начал работать. Комбайнер быстро открыл воздушную заслонку, спустил масло и, отрегулировав подачу смеси, прислушался: мотор работал ровно, без перебоев, оглашая поля густым и низким рокотом.

Тогда он медленно перевел рычаг. В миг пришли в движение все механизмы комбайна: двинулись транспортеры и элеваторы, побежали цепи, закачались решета, завертелись битера и вентиляторы. Но всех перегонял барабан, вращавшийся со скоростью тысяча оборотов в минуту.

Взбежав по лесенке на площадку управления, комбайнер огляделся. Поля начинались в трех шагах и шли к самому горизонту. Пшеничная нива, залитая полуденным солнцем и

ЭР02801

словно впитавшая в себя цвет его жарких лучей, стояла недвижно в тиши безветренного августовского дня. Только верхушки стеблей клонились книзу под тяжестью налитых колосьев.

За пшеницей шли овсы, еще чуть зеленоватые, с распущенными метелочками; потом буйные заросли густой, но низкорослой, будто стлавшейся по земле, сои; за ней подсолнечник выстроился по ранжиру, равняясь налево и обратив яркожелтые свои головки к солнцу.

Все это, насколько хватал глаз, были поля Димского совхоза, и их предстояло убрать комбайнеру Дмитрию Жуличу вместе с товарищами. Три тысячи гектар! Дмитрий зажмурился от яркого света и величия этой цифры! Потом, наклонившись к штурвальному, стоявшему рядом, закричал ему в ухо, силясь перекричать шум мотора:

— Красота!

Петр Повойко улыбнулся .

— Поехали?

— Поехали!

Жулич громко и резко свистнул. Тракторист Сергей Каныгин тронул трактор, и комбайн вошел в пшеничный массив.

Дмитрий видел, как захватило мотовилом первую охапку колосьев, пригнуло к платфор-

ЭР02801

ме, а нож подрезал ее у корня. Стебли упали на движущееся полотно, и оно понесло их в приемную камеру.

Дальнейшего не было видно, но Жулич и без того знал, что происходит.

В приемной камере стебли хлеба подхватил самоподаватель и принес к барабану. Встретившийся на пути битер разравнял слой хлеба и с силой бросил его на барабан. Зубья барабана и деки захватывают стебли, мнут и кромсают их, вымолачивая из колоса зерно. Потом обмолоченная масса поступает на транспортер. Зерно и полова заполняют «карманы», а солома, оставшаяся наверху, перетряхивается битерами и выбрасывается наружу. Смесь зерна, сбоины и половы попадает на стрясную доску, а с нее на решето первой очистки, где струя воздуха от вентилятора выдувает полову вон из молотилки. Зерно же проваливается через отверстия решета вниз, на скатную доску. Это первая очистка. За ней следует вторая, и только после этого зерно поступает к шнеку, откуда элеватором подается в бункер...

Первые зерна посыпались из шнека, забарабанив словно град по железным листам бункера. Жулич подставил руки, и янтарная струя потекла у него между пальцами, прохладная и тяжелая. Он захватил пригоршню зерен

ЭР02801

и, перебрасывая с руки на руку, начал разглядывать их, потом попробовал на вкус. Зерно было чистое, спелое и полновесное.

Спрыгнув с комбайна, Дмитрий обошел машину, приглядываясь к работающим частям. Все было в порядке. Подставив руку под соломотранспортер, проверил, не идет ли зерно в солому. С этой же целью переворошил несколько кучек половы, валявшейся на земле. Вымолочено было отлично. Дмитрий не нашел ни зерна.

Догоняя ушедший вперед комбайн, Дмитрий любовался работой товарищей. Каныгин вел трактор так ровно, будто ехал по линейке. «Гривок» не оставалось, хедер срезал хлеб во всю длину ножа. Повойко то-и-дело орудовал штурвалом, опуская платформу там, где был низкий или полегший хлеб, и подымая — где он был высокий, но травянистый. Время от времени Повойко подавал трактористу условные сигналы, и Каныгин прибавлял или сбрасывал газ, в зависимости от густоты хлеба.

— Как образовались хлопцы, — отметил себе Дмитрий: — работают без начальника агрегата, и хоть бы что.

Едва комбайн обошел полтора круга, бункер оказался наполненным зерном. Дмитрий надел на шест фуражку и водрузил его над ма-

ЭР02801

шиной: это был сигнал транспорту — готовить тележку для зерна.

Через три часа, как полагалось по инструкции, Дмитрий произвел осмотр комбайна. Он проверил исправность самоподавателя, натяжение цепей Галля, крепление звездочек и стопорных болтов, целость сегментов и ножевой полосы. Новойко в это время производил смазку цепей, подшипников и роликов.

Остаток дня комбайн работал без остановок; лишь когда зашло солнце, Дмитрий вывел его из массива.

— Как думаешь, сколько сегодня убрали? — спросил Петр Новойко.

— Гектар пятнадцать, я полагаю, — прикинул Дмитрий по количеству выгруженного зерна.

Вечером, когда произвели замер, оказалось что комбайн Жулича убрал восемнадцать гектар — почти две нормы. И его имя было занесено на красную доску.

Ночь наступила душная и такая же безветренная, как и день. Дмитрий долго ворочался на своем топчане, силясь заснуть. Он знал, что завтра надо встать до света и потому гнал думы. Но ничего не выходило, они упорно лезли в голову. Тогда Дмитрий встал

ЭР02801

и, выйдя на улицу, прилег на ворох соломы.

Звездное небо открылось ему, и он любовался его красотой, словно в первый раз видел его. Переводя взгляд от звезды к звезде, он открывал очертания фантастических зверей и причудливых предметов. Одна из созвездий, как ему казалось, очень походила на коня, — горячего, вздыбленного рысака, украшенного чепраком с мерцающими позументами.

Вот такого коня Дмитрий видел в детстве. Принадлежал он хозяину, у которого батрачил старший брат Николай. Раз в день Николай «прогуливал» жеребца, и маленькому Митьке казалось, что брат его — самый счастливый человек во всей Козьмо-Демьяновке.

Трофим Жулин, отец Дмитрия, если и был чем богат, то только ребятишками. Их у него была целая куча — одиннадцать человек мал-мала меньше. Дмитрий шел пятым. Старшие братья батрачили, и та же доля ожидала его.

В детстве Дмитрий имел страстное рвение к учебе. Но одного рвения оказалось мало — надо было иметь еще теплую одежду, а у мальца до одиннадцати лет собственного пиджака не было. Кто из старших зайдет в избу — Митька стащит полушубок и бежит на улицу. В следующую минуту его ловили и вбдворяли на печку. В школу Митька похо-

ЭР02801

дил с осени, а как завернули морозы — пришлось бросить.

Зато рано, как каждый крестьянский подросток, Дмитрий познал тяжелый труд и житейские невзгоды. Он помогал отцу в поле, работая погонычем, потом научился пахать, сеять и косить хлеб «литовкой».

Семнадцати лет Дмитрий ушел на мельницу и два с половиной года работал грузчиком. Вскоре после того, как он вернулся домой, в Козьмо-Демьяновке началась организация колхоза. Старик Трофим Жулич собрал своих сыновей и устроил семейный совет.

— Советская власть дала нам помощь, помогла из бедности выйти, — сказал старик сыновьям.— Думаю, что и в будущем времени не оставит. И если колхозы начались — значит подсчитано там, наверху, что от этого выгода народу есть.

Поделился старик и сомнениями своими. Больше всего пугало обобществление имущества. Нелегко было расстаться с тем, что наживалось годами. Коней отдать, например. А кто за ними будет ходить, кто напоит их во-время, кто копыта расчистит? Разве ж будет кто за чужим конем так ухаживать, как за своим?

— Решайте, хлопцы, — закончил старик.— Вы теперь хозяева.

ЭР02801

И сыновья подали свой голос за колхоз. Когда кончился «совет», Дмитрий подошел к отцу.

— Папаня, слышь, дело есть. В колхоз вступать надо раз и накрепко. Чтобы потом не позориться перед людьми. А меня к машине тянет, хочу я машины изучать, слесарем сделаться или, там, машинистом. Я на дорожное строительство пойду.

Отец нахмурился.

— Ты не подумай, что боюсь я колхозной работы, — заторопился Дмитрий. — а так — скучаю я. Какая уж там на мельнице машина — жернов один, и то полюбился. Коли нужно будет, — добавил он, — позовешь, подмогу.

Старик согласился, и Дмитрий снова ушел из дома. Провожая, отец напомнил:

— Не забывай своего слова. Потребуется — призову!

Два года проработал Дмитрий на дорожном строительстве. Только не довелось осуществиться его мечте. Поставили его конным возчиком подвозить песок и гравий, и даже с гредером не удалось познакомиться.

Едет как-то Дмитрий по своей дороге. А навстречу трактор. А за трактором — друг и приятель, козьмо-демьяновский хлопец, с которым вместе парнями гуляли.

— Здорово!

ЭР02801

— Здорово!

— Откуда коня такого угнал? — с завистью поглядел Дмитрий на трактор.

— В Димском совхозе, я там трактористом.

В тот же вечер Дмитрий попросил расчет. Сперва не хотели отпускать, погрозили увольнением. Потом, поняв, что движет парнем, отпустили, объявив благодарность за хорошую работу в течение двух лет.

Пришел Дмитрий в совхоз. Рассказал о своей мечте, попросил направить на какие-нибудь курсы.

— Желание у тебя хорошее, — ответили ему. — Только сейчас у нас нет курсов, а есть уборочная кампания и «мировой» прорыв. Литовкой орудовать можешь?

Дмитрий взял косу и вышел на поле. Осень стояла сырая и холодная. Осень 1932 года — ее все помнят. Беспрестанно лили дожди. Косить приходилось по щиколотку в воде. И все же Дмитрий выкашивал по гектару с соткой, по гектару с четвертью, вместо гектара по норме. Его работу оценили и назначили звеньевым.

Вечером после работы Дмитрий шел к комбайну и любовался чудесной машиной. Только в ту осень комбайн не убирал, потому что было очень сыро, а молотил на стационаре.

ЦГИНЕ

ЭР02801

Зимой Дмитрий работал на ремонте сельскохозяйственных машин. Весной его выдвинули в бригадиры. По окончании сева послали на курсы комбайнеров.

Трудно вначале давалась учеба. Дмитрий едва умел подписывать собственную фамилию, а на курсах пришлось столкнуться с такими понятиями, как «электрод», индукция», «конденсация». Когда же дело дошло до схемы работы комбайна, Дмитрий вовсе упал духом. Ему казалось, что он никогда не запомнит, куда идет солома, куда полова и сбоина, куда зерно.

Однако упорство взяло свое. Через два месяца Дмитрий Жулич сдал экзамен и принял комбайн. Первые дни, когда началась уборка, ему не верилось, что комбайн слушается его. Он ждал, что вот-вот что-то громыхнет в моторе, разорвутся цепи Галля, внутри комбайна все перепутается и смешается. Это заставляло быть каждую минуту на-чеку и придирчиво осматривать тысячу раз каждый ответственный узел.

Никакой катастрофы не случилось. Дмитрий Жулич убрал за сезон двести десять гектар. Но комбайнер Чайко убрал двести шестьдесят и занял первое место в совхозе.

— Это ничего, я на будущий год уберу 300, — утешал себя Дмитрий.

ДГТБ

Зима 1934 года принесла Дмитрию богатую практику: он работал на ремонте тракторов и неплохо освоил мотор. Весной он выехал на тракторе. Ему дали «Катерпиллер», и он вспахивал за смену по десять-тринадцать гектар. А норма была — семь.

Теперь и на комбайне он почувствовал себя смелее: работа на тракторе дала уверенность, приучила к четкости. Дмитрий уже не суетился целый день вокруг машины, как в прошлом году, он знал наперед, когда и какая часть потребует его внимания.

Обязательство, которое он давал, было выполнено: он убрал триста гектар — полторы государственных нормы. Но... комбайнер Дыкин с соседнего первого отделения убрал четыреста двадцать гектар.

Дмитрий задумался. Ему казалось раньше, что триста шестьдесят гектар (две государственных нормы) — предел. Он, правда, сам в душе мечтал перешагнуть его. Но вот он только мечтал, а Дыкин взял да и перешагнул. И слава о нем, как о лучшем комбайнере, неслась по совхозным полям.

— Пятьсот! — сказал Дмитрий Жулич. — Пятьсот гектар, не я буду!

И вот наступила уборка.

ЭР02801

Чуть свет бригада Жулича была на месте К восходу солнца комбайн был осмотрен и опробован. Выезжать было рано: еще не сошла роса с хлеба. Оставшееся время Дмитрий употребил на беседу с ребятами. Как сочувствующий ВКП(б), он считал это своей партийной нагрузкой.

Как только сошла роса, комбайн начал уборку. Работа спорилась. Механизмы, тщательно отрегулированные и смазанные, действовали безотказно. Комбайн безостановочно кружил по полю, выбрасывая кучки обмолоченой соломы.

К полудню Дмитрий заметил, что у соседей-комбайнеров—Диденко и Ткачева дело не клеится. Едва они начинали косить, как тут же останавливали комбайны и долго копошились в приемных камерах. В первую минуту мелькнула такая мысль: «Ага, значит, они нас не обставят». Но Дмитрий сразу же прогнал ее. Наказав штурвальному хорошенько смотреть за машиной, он спрыгнул с комбайна и побежал на помощь ребятам.

Не ладилось у ребят с самоподавателем, — что-то все время заедало, и самоподаватель останавливался. Заглянув в приемную камеру,

ЭР02801

Дмитрий понял, что самоподаватель неправильно установлен. Он предложил переставить его.

Ребята, обозленные неполадками, отвергли предложение Жулича.

— Вот еще техник выискался, — огрызнулся Ткачев.

— Как-нибудь сами управимся, — холодно заявил Диденко.

Дмитрий покачал головой, плюнул и побрел прочь.

В этот день его комбайн убрал девятнадцать и четыре десятых гектара — две нормы. Ткачев и Диденко вдвоем не выкосили и одной. На другой день они пришли к Жуличу поучиться. Дмитрий не помнил обиды и охотно поделился своим опытом.

Закончив косовицу на своем участке, он перешел на участок Ткачева и Диденко и помог им. К этому времени пшеница созрела польностью, и комбайн Жулича убирал по двадцать гектар. Для борьбы с потерями Дмитрий установил зерноуловитель и колосоуловитель, на задней стенке платформы хедера поставил высокий щит, чтобы ветром не перебрасывало стебли на стерню. На пшенице Дмитрий перевыполнил государственную сезонную норму, скосив сто двадцать восемь гектар. Подоспел овес, и овса Жулич убрал поч-

ЭР02801

ти столько же. Затем Жуличу выделили массив в сто гектар сои.

— Душа винтом, чтобы взять! — сказал ему механик.

— Еще подыскивайте,—ответил Жулич.— Этого мало будет.

И действительно, он убрал сои сто шесть гектар. Комбайн оставался до конца в полной исправности и мог бы убрать еще одну сотню гектар, но в Димском совхозе весь хлеб был уже скошен. Ничего не оставалось, как поставить комбайн под навес и отправляться домой.

За все время уборки Дмитрий раза два наезжал домой проведать семью. Неделями он не показывался дома. И жена, посылая ему с попутчиками чистое белье, говорила:

— Передайте там моему степному волку.

Жена забросала его новостями. Наденька сама бегает гулять, а Владимир пошел в школу. В колхозе «Красный орден» неуправка с уборкой, боятся, как бы хлеб под снег не пошел.

— Куда это ты? — изумилась она, увидев, что Дмитрий схватился за шапку. — Целое лето не виделись, приехал — так час дома не посидишь.

— Разом вернусь. Я в контору, — буркнул Дмитрий, уже выбегая из дома.

ЭР02801

Он вернулся скоро, оживленный и радостный.

— Поеду в Козьмо-Демьяновку колхозу помогать.

Жена попыталась было отговорить его или хотя бы отсрочить выезд, но сразу же отступила, увидев, что ничего не выйдет.

— Я еще отцу давал слово, — сказал серьезно Дмитрий, — когда нужно будет помочь ему... Тогда я по другому думал об этой помощи — деньгами там или хлебом. Но хлеба у колхоза богато, всего другого хватает. У меня в руках комбайн. Я ж колхозу как двадцать человек помочь могу!

— Ну, ладно, поезжай, — смирилась жена. — Только одевайся потеплее.

На утро Дмитрий был в Козьмо-Демьяновке. Его встретили радушно, как родного встречают в семье. Да, собственно, это и была родная семья. И не только потому, что полевым бригадиром «Красного ордена» был его старший брат Николай, тракторным бригадидом — брат Павел, а среди трактористов — младший брат Илья.

Лето давно прошло, на исходе стояла осень. По небу ползли тяжелые серые тучи.

Отвели Дмитрию участок, на котором хлеб местами уж полег и начинал осыпаться. Неожиданно пошел снег. День пришлось пережж-

ЭР02801

дать. На другой день лил дождь. Дмитрий ходил сумрачный и злой. Тракторист Грязнов все время ныл:

— Где это видано, по снегу убирать. Зря только приехали.

На третий день установилась ясная погода. Дмитрий решил выехать косить. По утру отправился к комбайну. Подошел и штурвальный. Тракториста не было на месте.

— Сбежал тракторист. Ночью сбежал, — объяснил штурвальный. — Срам-то какой на весь колхоз!

Дмитрий закусил губу. Этого он никак не мог ожидать.

— Ну, что ж, вдвоем будем работать.

Он сам повел трактор. Только теперь изменился порядок подачи сигналов: они подавались не с комбайна на трактор, а с трактора на комбайн. Дмитрий сам решал, когда прибавить и когда сбросить газ, а штурвальному показывал, где опустить, где поднять хедер. Время от времени Дмитрий делал остановки и осматривал машину.

Ночью, чтобы не терять рабочего времени, Дмитрий поехал в совхоз. От Грязнова он отказался, а взял Федора Ильященко. Федор поехал с охотой и все расспрашивал дорогой, каков там в Козьмо-Демьяновке клуб и много ли девчат на гулянке.

ЭР02801

— Девчат хватает, — заверил его Дмитрий. — День отработал, а там хоть всю ночь гуляй.

Девчата Федору приглянулись, но работа не пришлась по вкусу. Трактор у Грязнова был в скверном состоянии, оправдывая своим видом фамилию владельца. Ильященко заохал, начал ругаться и не захотел принимать машину.

— Слышь, Федя, — сказал ему Дмитрий, — не из-за девчат же ты, в самом деле, приехал. Давай поработаем день, а ночью трактор починим. Я тебе помогу.

Утром Феди след простыл.

Снова Дмитрий сел за руль и проработал еще день за тракториста и за комбайнера. И опять, как в первый раз, ночью поехал на отделение. Грязнов и Ильященко, чтобы оправдать свое дезертирство, наговорили разных ужасов об условиях работы, и теперь никто не хотел ехать. Едва уговорил Дмитрий тракториста Петра Диденко.

— У меня рукавиц нет, — заявил тот в самую последнюю минуту. — Не поеду.

Дмитрий снял свои и отдал Диденко. Тот нехотя поехал. «И этот сбежит», — думал Дмитрий дорогой, поглядывая исподлобья на тракториста.

ЭР02801

Так оно и вышло: два дня проработал Диденко и сбежал.

— Больше я не поеду, — сказал Дмитрий председателю колхоза. — Дай мне хорошего хлопца в помощники, а сам я буду и за тракториста, и за комбайнера.

Майгула выделил ему помощника. Правда, тот никогда раньше не работал на комбайне и комбайн «Сталинец» видел впервые, но он хотел работать, и поэтому дело пошло.

Когда Дмитрий закончил уборку, председатель колхоза подарил ему валенки.

— Это помимо всяких расчетов тебе от колхоза, за самоотверженность.

Возвратившись домой, Дмитрий первым делом поинтересовался, сколько убрали его «конкуренты». Чайко убрал триста тридцать гектар, Дыкин — четыреста семь, а Морозов — четыреста пятьдесят семь. Дмитрий Жулич убрал пятьсот восемьдесят девять гектар!

На краевом совещании стахановцев сельского хозяйства Дальнего Востока Дмитрий Жулич получил слово первым. Зал восторженно и бурно рукоплескал ему: все уже знали, что Дмитрий Жулич — первый комбайнер Дальнего Востока.

ДВГНБ

Вот стенографическая запись его речи, в которую не внесено исправлений.

— Товарищи! Разрешите передать вам привет от стахановцев-ударников Димского зерносовхоза **(аплодисменты).**

Я, комбайнер Димского совхоза, убрал в этом году своим комбайном пятьсот восемьдесят девять гектар, из них восемьдесят шесть гектар в колхозе «Красный орден» **(бурные аплодисменты).** Сэкономили шестьсот тридцать килограмм горючего. Заработал на уборке две тысячи восемьсот рублей. Это не считая премий за экономию.

Как я достиг этого? Работал с утра и до вечера, не упускал ни одной минуты, временем дорожил. Так же работали комбайнеры Морозов, Дыкин, Чайка, и результаты у них неплохие.

Другие комбайнеры почему мало убрали? У них у всех одна беда: не просмотрят во-время комбайн, не доглядят за ним, а потом в рабочий день начинаются простои из-за неисправности машины, из-за какого-нибудь пустякового недостатка.

Я же еще с вечера проверяю свой комбайн, готовлю его к завтрашнему дню, чтобы во время работы не было никакой заминки. То же самое делал и мой тракторист, от трактора ведь зависит и работа комбайна: остано-

ЭР02801

вился трактор — остановился и комбайн. Вместе с трактористом и штурвальным мы проверяем все детали, не упустим ни одну гаечку, где надо — подтянем, где надо — отпустим, и с утра спокойно выходим на уборку. Этим мы предупредили простои из-за неисправности комбайна и трактора.

Птуха. — А перебои в работе из-за горючего были?

Жулич. — Нет, из-за горючего не было. Из-за несвоевременной подачи тележек для разгрузки бункера от зерна перебои были. Тележек у нас мало. Стоишь и ждешь, пока подадут их.

Птуха. — Сколько же из-за этих простоев потеряли гектар?

Жулич. — Да около ста гектар наберется. Не было бы простоев из-за тележек—убрал бы еще больше. Нужно, чтобы для каждого комбайна имелось достаточное количество тележек.

Птуха. — В каком состоянии ваш комбайн?

Жулич. — Мой комбайн в хорошем состоянии. Им еще можно много убрать. Сейчас думаю над тем, чтобы лучше подготовить комбайн к уборке будущего года и чтобы еще меньше было потерь. Как только вернусь с этого совещания, сразу же возьмусь сам за ремонт комбайна, приведу его в полный порядок.

ЭР02801

Товарищи, я думаю, что мы, комбайнеры, прочитав речь товарища **Сталина** на совещании комбайнеров и комбайнерок, ответим на эту речь тем, что в будущем году уберем еще больше. Ведь это во многом от нас зависит — взять семь-восемь миллиардов пудов зерна по всей стране, как сказал товарищ **Сталин (бурные аплодисменты).**

Сев на место, Дмитрий шепнул брату Павлу, который также был на совещании, как лучший тракторный бригадир Тамбовской МТС и всего Дальнего Востока.

— Чорт его знает, засмущался и ничего не сказал.

— Представляешься, — усмехнулся Павел. — Ловко вышло.

— Да нет, самого главного не сказал, что, мол, беру обязательство убрать в будущем году семьсот гектар.

Послушав немного речи комбайнеров и трактористов, Дмитрий снова нагнулся к брату.

— У тебя в бригаде комбайн есть?

— Ну, есть. Только он стоял все лето, не работал.

— А каждый трактор у тебя сколько вспахал?

— Семьсот гектар, в переводе на мягкую.

— Так вот, в будущем году я убираю

ЭР02801

семьсот гектар, а ты обязан свой комбайн пустить и не меньше как пятьсот гектар убрать. А на каждый трактор вспахать ну, скажем, по девятьсот гектар.

— Договор?

— Договор.

— Принимаю.

И они оба принялись яростно хлопать вязальщице Ольге Маслак из колхоза имени Блюхера, вязавшей по тысяче двадцать снопов, радуясь ее и своим собственным успехам.

ДВГНБ

ЭР02801

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Л. Решетов—**Хозяин** . . . . . .
П. Житников—**Комбайн стахановца** . . . . . .
В. Овчинников—**1020 снопов** . . . . . .
П. Жулич—**О своей жизни, о своей работе** . . . . .
Л. Решетов—**Первый комбайнер** . . . . . .

ДВГНБ

Редактор М. А. Алексеев. Техред В. Ф. Пилюш

Сдано в производство 15-VIII-36 г. Подписано к печати 28-VIII
Дальгиз № 122. Крайлит № 1656. Заказ № 2722. Бумага 62x9
$2^3/_8$ печ. л. 2,2 авт. л. 39904 зн. в печ. л. Тираж 5000 экз.

Отпечатано в типо-литографии Облместпрома. Хабаровск, у
Л. Толстого, 45.

ЭР02801

ДВГНБ

ЭР02801

Цена 65 коп.

07

17 СЕН 1936

ДВГНБ

ЭР02801